

Паломничество в ад

Григорій Хорошко

"О сні... чарівні сні. Вони наче реальність, котру важко відрізнити від реальності. Можливо життя і є сон? Дуже дивний... однак неймовірний сон..."

"Si vis Pacem para bellum - Хочеш мира, готовься к войне"

Часть — Первая

Рассвет уже успел благополучно пройти и даровать всему миру незабываемые лучи ещё мирного солнца. На часах было около восьми, однако по внутренним ощущениям так никоим образом не чувствовалось, поскольку над городом нависли тучи, уже не впервой на его веку и, увы, далеко не в последний.

Этот город успел уже многое пережить, многое застать и многое прочувствовать каждой своей улочкой, однако то, что на него надвигалось сейчас, он встречал впервые, стараясь как можно более оттянуть столь не желаемые события, которым будет суждено на вечно изменить не только внешний облик столь дивного и непревзойдённого города, но и каждого человека в нём проживающего. Каждый из нас, пред ликом нежеланных перемен, желает попросту уйти от них в сторону и оставить всё так, как оно было прежде, однако за тем, после того как на нас опрокидывается вся скверна и резоны мира, где-то там, в миг полной тишины, на едине с нотой забвения, к нам приходит осознания, что без тяготы переживаемых нами испытаний мы попросту не сможем идти дальше, а если мы не сможем продолжить своё движение, то и вместе с нами остановиться весь мир и всё, что нам в нём столь дорого.

Как бы там не было, однако люди были готовы ко всему тому, что могло их настигнуть в ближайшее время, общим для всех было лишь то, что совершенно никто не желал верить во всё грядущее, неистово отталкивая от себя каждую дурную мысль, желая попросту забыться и предаться вновь всей той пустоте суждений и простоте быта, которая была так привычна не только для духа, но и, впрочем, для всего остального жизненного пути.

Точно также проходил свой путь этим утром и Игорь, легко и непринуждённо делая каждый свой шаг на встречу с неизвестностью. Ели пробившееся сквозь тучи солнце нежно прикоснулось своими лучами к его лицу, одарив семнадцатилетнего юношу удивительной нотой теплоты, коснувшись его гладковыбритого лица, словно столь же юная, как и он сам, любовница.

Его глаза никогда не отличались особым буйством яркости и страз, он был не из тех, кто чем-то вечно горит, нет... он был в вечном движении, попросту двигаясь в даль, на встречу ко всем тем человеческим судьбам, что ждали его за углом, желая повидать

воочию каждую из них, помимо своей собственной, ибо о себе самом он знал предостаточно, он знал обо всём том на что он был способен и знал, что он из себя представляет как человек. С первого взгляда простой снаружи, похожий на многих других, и в тоже время, настолько уникальный, что его можно было бы без каких-либо сомнений вносить в красную книгу, в качестве вымирающего вида по истине свободного молодого человека, не знающего к себе ни жалости, ни скорби, но в тоже время, не чуждой по отношению к другим, стремясь к тому, что большинство считают абсурдом, однако он не смотря ни на что всё равно продолжает двигаться по своему пути, ни признавая преград и всех тех прочих подводных камней, что ему столь неистово старается подбросить под ноги его же собственная жажда свободы.

Сам из себя он был довольно высок ростом по отношению к своим годам, помимо всего прочего будучи необычайно привлекательным молодым человеком в глазах не менее привлекательных девушек, у которых он пользовался необычайной популярностью.

Каждый прожитый им день и каждый сделанный им шаг был настолько непринуждённым и не запланированным, что в глазах окружающих он виднелся самым настоящим неудержимым зверем, которого бессмысленно держать на цепи, так как рано или же поздно, он всё равно попросту поступит так, как будет считать нужным в тот непосредственный момент принятия им того или же иного решения.

Если бы кто-то попросил описать его характер, то каждый второй бы ответил: что у него никогда не было никаких планов. Он просто брал и двигался дальше, даже не желая плыть по течению, создавая своё собственной русло и если возникнет необходимость или же желание, он мог взять и плыть по нему самостоятельно, всегда доводя до конца то, что начинал, не смотря на то, кто стоял за его спиной.

Это утро выдалось довольно прохладным, зима подходила к своему концу, поэтому было более чем целесообразно надеть шапку, но увы, этот было не про Игоря, ибо он только что, путём больших усилий, аккуратно уложил на голове свои волосы, в связи с чем, какие-либо действия с ними были бы для молодого человека самым настоящим преступлением.

Он направлялся в школу, пускай и не особо этого желал, впрочем, как и большинство других молодых людей, заканчивающих своё среднее образование, собственно, и не только заканчивающих.

Небо было серым, настолько серым, что и не удавалось поверить в то, что вскоре наступит весна, с её оживляющей прелестью, удивительной простотой и, в тоже время, невероятной загадочностью. Этот мир был для него чем-то необычным, наполненным красоты, величия, любви, однако в глазах молодого человека, в нём было настолько много тягот и угнетений, что само бытие сдавалось ему уж слишком переполненным всевозможными испытаниями, что выпадают на каждую человеческую судьбу.

— Быть может если бы всё вокруг было более благосклонным к нам этот мир был бы чуток краше... — Произнёс Игорь, сам того не осознавая, глядя на полностью

высохшее дерево.

— Для начала не мешало бы нам стать более благосклонными к этому самому миру. — Сказал кто-то стоявший за спиной, и отбрасывавший весьма немалую тень, своим обыденным и быстро забывающимся голосом.

Молодой человек повернулся дабы взглянуть в глаза человеку дополнившим его изречение, однако так никого и не застал. Ему это даже не показалось странным, его голова будто бы было в некоем дурмане, словно он произнёс это для самого себя, даже не стараясь убедиться в том, что он полностью здравомыслящий и осознанный человек. Не желая делать длительных остановок, он всего лишь поправил свои светлые волосы и продолжил путь, источая свою искреннюю яркость, совмещённую с нотой тоски.

Мимо него промелькнула маленькая девочка, с круглыми глазками и пухленькими щёчками, глядя на которую над ним будто бы навис ореол поразительных воспоминаний, переполненных чувствами заботы и добродушия, однако с каждым миготом отдаления этой девочки от него он всё больше и больше чувствовал запах едкого дыма, который просачивался сквозь одежду, веял вместе с ветром по воздуху и доносился из самой далёкой дали. Это не были пожарища или же гарь от костра, нет... это были самые настоящие запахи тех самых грядущих перемен, с которыми ему, вместе с целым городом, будет суждено столкнуться.

На часах было уже восемь тридцать. До школы оставалось всего ничего, однако время в запасе ещё оставалось, поэтому Игорь, в компании двух своих товарищей, попросту не имел права не заскочить в соседнюю будку, где работала мать его хорошего знакомого, дабы выпить чашечку горячего и невероятно вкусного чёрного чая.

Тучи сгущались с каждым мгновением, каждый обращал на них весьма пристальное внимание, но в тоже время так и не желал верить в их порочность и все те невзгоды, которые они могут с собой принести.

Людам, во все времена и эпохи, в какие бы не доводилось существовать, желалось всегда одного: иметь надежду, то, за что они могли вцепиться, хотя бы на одно единственное мгновение, дабы суметь справиться со всеми теми резонами жизни, что выпали на ихнем веку. Кто-то сумел отыскать её, а кто-то нет, так или же иначе, это не особо то и важно, важно лишь то, что каждая туча, которая казалась лишь небольшим недоразумением на горизонте и лишь тусклым пятном в ореоле вечности, оказывалась самым настоящим серпом для человеческих судеб и душ.

Беззаботно потягивая свой чай, обжигавший губы, Николай, отличавшийся ото всех своим низким ростом и заметной крупностью своего телосложения, ударился в активное чтение газеты, что было совершенно не характерным для парней его возраста, однако как бы там не было, юноша некоем образом не давал повода усомниться в остроте своего ума ни друзьям, ни уж тем более врагам.

— Пишут, что сегодня на границе у реки может быть жарко, ситуация накалена до предела.

— Этих журналюг хлебом не корми дай масла подлить в огонь, а ты ещё им тут потакаешь. Успокойся, ничего не будет, сколько раз тебе повторять! – Воскликнул Владислав.

— И без тебя знаю, что всё будет хорошо, я всего лишь констатирую факт.

— Констатируй иначе.

— Кончайте дуться и тявкать и без Вас голова квадратная! – Утвердил Игорь.

— Есть сер! Не изволите ли Вы допить по скорее свой чай, а то мы можем припоздниться на урок английского, в ходе чего может пострадать не только наша, но и Ваша безупречная репутация, многоуважаемый и почтенный сир! – Высокомерно и легкомысленно произнёс Владислав.

— Ну да, истинные слова человека с безупречной репутацией.

— Вам что-то не нравится?

— Всё нравится...

— Кроме?

— Тебя, уникам! – Подвёл черту Николай.

— Да бросьте! Сколько можно, что не день то Ваша грызня, причём именно тогда, когда я рядом, а когда Вы оба просто так вместе, то не разлей вода.

— От тебя просто исходит нечто обостряющее чувство. – Вновь легкомысленно произнёс Владислав.

— Да иди ты...

Парни стояли, допивая свой чай, не давая ему возможности остыть. Кругом не было довольно шумно, но весь этот гул из всевозможных голосов так и не сумел взять верх над суждениями молодых людей, головы которых были забиты лишь мыслями обо всём грядущем.

Их беспокойно было более чем понятным: им всем тринадцать лет, а в этой школе для мальчиков, впрочем как и в большинстве других школ, помимо тех в которых учились дети чиновников, каждого юношу обучали обращению с оружием с пятнадцати лет, что делало их весьма лакомыми кусками для военной формы в случае чего, помимо всего прочего в шестнадцать уже каждый из них, по закону, был обязан пройти обязательный летний курс "молодого бойца", пускай в случае данных молодых людей уж слишком молодого, однако таковы были реалии в которых они существовали вместе со всеми остальными, деваться было некуда, таков был общий удел.

У государства постоянно ведущего войны, была и вечная необходимость в тех, кто будет их вести. Поэтому таковой исход для большей части населения был более чем ясен, однако в тоже время мало кто желал мириться с таковой участью, поскольку рано или же поздно, но у народа всё же появляются вопросы, на которые власти не в состоянии давать ответы из-за собственного чрезмерного потока лжи.

— Всё же как думаете случиться или же нет? – Спросил тусклым голосом Николай.

— Почему это так впало тебе в голову? – Практически хором спросили двое других юношей.

— Не делайте вид будто Вам нет. Я знаю, что тебя, что тебя с самого детства и

прекрасным образом отдаю себе отчёт о том, что именно происходит в Ваших дурных головах! Вы переживаете не меньше моего, да, может быть, в отличии от меня Вам сильно уж норовит совершить некий подвиг, но поверьте мне такового героизма не нужно, тут пожалуйста без меня.

— А кто ж у тебя спросит то?

— После этого Вы ещё говорите, что я нагнетаю?

— Ладно, всё, прости, не волнуйся так. – Утвердил Игорь. – Хочется верить, что всё обойдётся, но... не знаю будет как будет.

— Не будет ничего, уверен просто! Даже на деньги готов поспорить, что ничего не будет, сами всё увидите. Как всегда, журналисты рисуют куда большие тучи чем они являются на самом деле, всегда так было, есть и будет, так что если хотите знать моё мнение, то он точно так же неизменно, как и прежде и на своём я стоять не перестану, так оба и знайте! Больше мне нечего сказать.

Они оба бросили свои, словно молящие взоры на Игоря. Молодой человек стоял, не желая смотреть в глаза своим товарищам, однако деваться ему было некуда. Он здесь и должен взять своё слово, поскольку иначе он сам не будет собой. Его будто бы окатило волной на дивном пляже с чудесным золотым песком. Глаза парня уткнулись в пустоту, ему хотелось постичь свободу в это мгновение и оказаться в точь в тех местах, которые пришли к нему с буйством всевозможных чувств, но он здесь, а не где-то там в далеке и ему должно быть самим собой и говорить от чистого сердца, как он и делал всегда.

— Не знаю парни. Как я уже сказать, не хочется, чтобы все эти предостережения оказались реальностью, очень не хочется. Как бы там не было, но лучше быть готовыми ко всему, потому что... ожидая лучшего, всегда будь готов к тому, что худшее прячется в тени и ждёт своего часа. Я могу показаться Вам каким-то чёртовым снобом и плевать если Вы так сочтёте парни, но я скажу Вам вот что: нам троим было ровно по четыре года, когда началась Первая Литиевая война и десять, когда закончилась вторая. Мы слышали и выстрелы, и взрывы, и более чем прекрасно знаем о том, что это такое, но... можно говорить сейчас всё что угодно, однако ко всему этому просто невозможно привыкнуть. Сидя здесь и мило беседуя, думаешь, что тебя всё это обойдёт стороной и тебе не придётся бежать в укрытие или же видеть всю эту разруху, если не куда хуже. Но в конечном итоге всё сводится к тому, что ты попросту оказываешься в пустоте. Ты сам не знаешь ничего о том, кто ты и что ты. Думаешь, что ничего не будет, политики вновь желают лишь покрасоваться своими мышцами, а в конечном итоге всё вновь заканчивается трагически и на кон становятся человеческие жизни, которые они вовсе не ставят в счёт. То воюют за земли, то воюют за ресурсы, то за историческую справедливость, а в итоге мы становимся теми самыми фигурами, которые должны реализовывать каждое пожелание и стремление очередного мелкого лавочника, возомнившего себя повелителем мира, желающего самоутвердиться за наш счёт.

— Молчи! Насколько бы прав ты не был, просто молчи! За такие слова не только тебя, но и всех нас могут запросто запереть на данный от балды срок. Будь осторожен с

этим, мой друг, будь осторожен...

— Знаю, простите, я просто...

— Не важно. Ты знаешь, что мы всегда всё поймём, но время для этих слов ещё успеет наступить. В наши дни правда – оценивается только уровнем содержащегося в ней патриотизма, а если твоя точка зрения противоречит точке зрения фанатиков, то ты быстро рискуешь оказаться в немилости не только у правительства, но и у всего народа в целом! Нами уж слишком просто управлять, друг мой, поэтому пусть лучше эта грозная сила масс будет направлена в другую сторону.

— Николая прав, будь осторожен. Даже с нами, даже сейчас.

— Вы сами желали услышать моё мнение.

— Знаем, что сами этого желали, но у всего есть своя черта допустимого. – На часах было восемь тридцать, время урока. – Как видите свою мы уже пересекли!

Время шло своим чередом, спокойно плывя среди всех мирских значений, чего нельзя было сказать ни о настрое каждого горожанина, ни о нависших над этим городом облаках. Весь мир окунулся в странную, ранее неизведанную пучину, в связи с чем его угрюмость и серость потащила за собою каждый разум, каждое тело и каждый дух, впитавшись в горожан словно вино, пролитое на белую скатерть.

Каждый последующий час, каждое проживаемое мгновение всё глубже и глубже уводило его в беспамятство от чего молодой человек уже и не осознавал того, кто он в этом мире, для чего он здесь, как он тут оказался?

Эти вопросы были заданы им не зря. Поскольку из его головы напрочь выпал миг его пробуждения и миг того, как он оказался на улице, беззаботно идущем в школу. Всё чудилось спокойным и умиротворённым, но в то же время и настолько растерянным, пустым и складным, что он уже и не осознавал, сон всё это или же реальность или быть может однообразность быта настолько вскружила ему голову, что он уже и перестал отличать день от ночи, но... единым было одно он здесь и он должен продолжать свой путь, во что бы то не стало, ибо иначе он попросту перестанет быть самим собой, утратив саму человеческую сущность.

Не было ни ощущения тоски, ни печали, нет... они, впрочем, как и всегда прежде, были ему чужды. Он жил в мире совершенно иных чувств, одновременно куда более простых, с одной стороны, но в то же время и слишком уж сложных для того, чтобы их можно было объяснить, не ударяясь в весьма завуалированную философию бытия.

Он лишь старался жить в гармонии со всем тем временем и всеми резонами его действительности, не желая кориться милости и доле снисхождения судьбы, он, как и всегда прежде продолжал свой путь, в кругу тех, кого уважал и ценил, не желая сворачивать в сторону.

Урок был довольно обыденным. В нём не было совершенно ничего необычного, как и всегда всё банально и довольно скучно, и как всегда, совершенно никто из всех присутствующих молодых людей не предавал никакого значения всему тому, что диктовал учитель, не отдавая себе отчёт в том, что довольно многое из всего изложенного может пригодиться на жизненном пути.

Застав долгожданный конец, Игорь почувствовал зябкость. Он тут же забыл всё то, чему его только что пытались научить, не сумев вспомнить совершенно ничего, даже цвета учебника, ничего... помимо грустного выражения лица учителя, который был в точно таком же расположении духа, как и все его ученики, находясь в ожидании того, что было неизбежно, но в тоже время того, во что по сию минуту совершенно никто из нет не желал верить, стараясь сохранить в своей глубине чувство искренней надежды и праведного добра.

Урок был окончен, а это значило лишь то, что молодой человек сумеет спокойно выйти на свежий воздух и провести в относительном спокойствии десять минут, о которых он грезил с того самого мгновения как сел за школьную скамью.

Идя вдоль школьных коридоров его глаза неистово дразнили выкрашенные в едкий горчичный цвет стены. Они словно сами по себе служили напоминанием всем и каждому кто проходил здесь обучение о том, что это не место для радости: "здесь всё столь же тусклое, как и эти цвета и наша главная не окунуть тебя в кураж знания и просвещения, а сделать точно такой же посредственностью, к которой было приделено ровно столько же внимания, как и к этим бестолковым стенам". Он спустился по лестнице на первый этаж, застав на своём пути множество разнообразных людей, с уст каждого из которых шло обсуждение всего тоже самого, что и было более чем подробно изложено в газетах.

Молодой человек вырвался на свежий воздух, он стремился выйти на улицу с таким же рвением, будто бы у него заканчивался кислород. Он бежал к двери, как жаждущий в пустыне заметивший в далеке оазис, стремясь скорее заполучить столь долгожданный глоток воды.

Игорь жадно вдыхал воздух, всё равно ощущая некую духоту, может быть, ему нужно было ещё немного времени чтобы свыкнуться с этим, может быть... Глаза молодого человека устремились в небеса, теперь они стали уж слишком уж тёмными словно накопив в себе силы перед тем, как пролиться по миру своим буйством ливня и лютых молний. Всё сошлось в его взоре: и серость, и тусклость, и поражающее чувство людей. Он всё стоял в ожидании чего-то, толком и не осознавая, чего же именно, но он всё равно продолжал стоять и ждать, не то огня, не то любви.

Выйдя за пределы школы, Игорь устремил свой взгляд на дорогу. Она была совершенно пуста. Город казался вымершим. Он был настолько пуст, что отлично бы подошёл в качестве декораций к фильму на постапокалиптическую тематику, впрочем, именно таковые мысли и заполонили разум Игоря. Он был очень удивлён всему происходящему, а в особенности тому, как вечно оживлённая улица и площадка школы, которая была полна народу, в особенности во время перемены, оказалась пустой, и он в одиночестве стоял, глядя на полную опустошённость окружающего его мира.

Странно всё это было... хотя ему не впервой сталкиваться с этим. Его дух постоянно был наполнен точно теми же чувствами и эмоциями, которые поглощали его в это самое мгновение.

Молодой человек, взглянув в даль и увидел: увидел всю красоту его старинного города. Увидел дорогу, по которой он проходил сотни и тысячи раз. Увидел свои собственные воспоминания, словно окунувшись в те времена и секунды, когда ему было хорошо в кругу тех, кого он любил и кто любил его. Он чувствовал всю свободу, впитавшуюся в улицы города, что в последствии проникли и в него самого, но вот наступает очередное мгновение, когда приходит поразительное осознание замкнутости, после которого ты перестаёшь быть прежним, ты становишься совершенно иным. Чувство свободы покидает тебя, тучи начинают всё сгущаться и сгущаться, а свет, дивный и ласковый, превращается в единственный источник мирского блага, за которым начинается самая настоящая охота, будто в дух вселяется звериная натура хищника, рыщущего за своей долгожданной добычей.

Он потерял счёт времени. Окружавшее его пространство стало столь же беспокойным, как и чувство каждого горожанина. Игорь уже стал размышлять о том, как он вместе со всеми попросту сойдёт с ума, как миг... и перед ним появилась она. Чистая и искренняя. Добрая и безобидная, как самый настоящий ангел, спустившийся с небес, дабы протянуть свою руку помощи в тяжкие мгновения бытия.

— Не ожидал тебя здесь встретить. — Утвердил своим низким голосом Игорь, стараясь сделать его куда более грубым, чем он являлся на самом деле.

— Почему же? Ты же знаешь, что я живу неподалёку. Тем более ближайший магазин как раз таки находится здесь за углом. — Она взглянула на него своими круглыми, добродушными глазками, без каких-либо целей и стремлений, просто желая смотреть на него, просто в надежде пробудить в нём и себе самой так давно забытые чувства теплоты. — Разве ты не рад меня видеть.

— Я всегда рад тебя видеть. Просто... сегодня дурацкий день, сама понимаешь.

— Понимаю. Мы как раз таки собираемся уезжать за город, моя мать желает перестраховаться, на всякий случай, кто его знает, что может произойти.

— Угу... — Произнёс он многозначительно.

— Ты выглядишь уставшим.

— Всё отлично. Ты знаешь, я не выношу жалостей. — Он взглянул на неё желая казаться более уверенным и мужественным, однако стоило лишь бросить свой взор в эти дивные глаза, как любые желания проявить себя истинным мужланом разлетались на мелкие кусочки, будто случайно упавшая на пол ваза.

— Тебе обязательно быть таким?

— Каким?

— Не естественным.

— Нет. Но с тобой я иначе не могу.

— Почему же?

— Потому что тогда я рискую как никогда.

— Чем именно.

— Предстать пред тобой тем, чем я истинно являюсь, а этого я не хочу.

— Если ты не хочешь быть со мною настоящим, то каким ты хочешь быть рядом со

мной?

— Свободным. Только рядом с тобою я действительно могу почувствовать себя таковым.

Они смотрели безмолвно друг на друга не желая ронять совершенно никаких фраз. Их взгляд не был влюблённым или же поражающим, нет... но зато он был самым искренним из всех тех, которые только мог явить человеческий дух.

— Когда ты вернёшься?

— Не знаю, скорее всего, когда всё стабилизуется. Хочется верить в то, что ничего не произойдёт, но ты и сам знаешь, что всегда может произойти всё что угодно, в особенно в подобных случаях.

— Увы, тут не поспоришь...

— Ну что, теперь ты чувствуешь себя свободным?

— С тобой я всегда чувствую себя таковым.

Он смотрел на неё, не узнавая в ней ту девушку, которую он когда-то знал. Она довольно сильно изменилась, даже несмотря на то, что он видел её в последний раз... он даже не мог вспомнить, когда, однако он точно был уверен в том, что у вокруг них обоих веяло невероятное чувство, это не должна была быть обязательно любовь, ведь она всегда находится там где есть две искренние души, нет... это было нечто совершенно иное, ибо их обоих словно утаскивало на дно самого глубокого океана на всём белом свете, чему молодым людям совершенно не желалось сопротивляться. Это было самое настоящее уникальное мгновение, когда, глядя на кого-то он мог почувствовать себя настолько же лёгким и высвободившимся ото всех напастей. Он забыл обо всём, забыл о том что писали в газетах, забыл о том, что спустя всего несколько мгновений ему придётся развернуться и уйти на встречу долгу, но нет... сейчас он был рядом с ней и смотрел её прямо в глаза, не ища никакой корысти, не преследуя совершенно никаких целей и не стоя чудовищных аллюзий на мир, он лишь слыл во всём сущем на равне с ней, глядя на её бесподобные вьющиеся волосы и добродушные кругленькие глазки.

— Ты хочешь поехать со мной?

— Хочу.

— Так чего же ты ждёшь?

— Я... я хочу этого, как ничего более, просто...

— Ты не можешь. Я знаю. Я знала это ещё до того самого момента, как в моей голове проскользнула подобная мысль. Ты всегда предан тому месту, в котором находишься, всегда служишь той правде, в которую веришь. Хотела бы я увидеть тебя другим.

— Каким же именно?

— Таким, который будет готов бросить всё и всех и попросту отправиться туда куда тебя зовёт путь. Вместе со мной, как сейчас или же ещё куда-нибудь, но... ты настолько убедил себя в своей беспрекословной свободе, что попросту сам вогнал себя в угол. Я... хочу, чтобы однажды ты сам смог осознать это, почувствовав настоящую волю от всего.

— А ты будешь рядом?

— Так же, как и сейчас.

За спиной у Игоря прозвучал звонок, но он не слишком уж и торопился отправляться туда куда был должен. Он желал остаться с ней, хотя бы ещё на одно мгновение, ровно, как и желала она, однако в отличии от него, ей было прекрасно известно о том, что молодому человеку будет куда более чувственно делать первый шаг, в особенности если этот самый первый шаг будет сделан на пути к их расставанию.

Она наклонилась и нежно прикоснулась своими губами к его. После чего молча развернувшись отправилась туда, куда её вела её дорога. Постояв ещё несколько мгновений под серым небом беспокойных чувств, он отправился завершать то, что уже начал.

Она уходила, а он на смотрел ей в след прекрасно постигая факт того, что она знает о бытие свободы гораздо лучше, чем он сам. Она, как и всегда: прекрасная и утончённая дева, ступающая по своему пути. А он лишь тот, кто смотрит ей в след, карая самого себя за то, что позволил разойтись их совместной дороге.